

Диковный тюльпан

Больше всего современников потрясает облик Иды. "В ней есть что-то таинственное до холода, до озноба. И что-то слишком пряное, слишком изысканное, слишком упадочное", — скажет художник Александр Бенуа. Да, всего слишком, всего с избытком, с перебором, но от этого "слишком" нельзя оторвать глаз. Красота Иды пронзает в самое сердце. Ее лицо, по свидетельству одной из современниц, "было такой безусловной, изумляющей красоты, что кругом все лица вмиг становились кривыми, мясными, расплывшимися — какими бы праздничными до того ни казались. Пожалуй, увидеть ее — это этап в жизни". Знавшие Иду отмечают и ее чудесный восточный профиль с узкими миндалевидными глазами, а художник Лев Бакст сравнит Рубинштейн с "тюльпаном, дерзким и ослепительным".

Возбуждает и богатство Иды, которой ничего не стоит заказать себе для путешествия из Петербурга в Москву не купе, не вагон, а весь поезд. Один поэт напишет о ней: "Дитя рекламы шумной, звонкой! Пером, резцом и лестью тонкой/Тебе воздвигли пьедестал./Но создал всю "литературу"/Легенды, живопись, скульптуру —/Не твой талант, а... капитал."

Да, деньги творят чудеса, и они будут работать на ее легенду, а также на ее театр, главным персонажем которого, конечно, будет она — таинственная, inferнальная Ида. Но не только деньги помогут Иде. Есть еще напор, упрямство, энергия и вера в свою избранность. О себе она скажет: "Я не могу идти рядом с кем бы то ни было, я могу идти только одна".

Дыша духами и туманами

Что такое быть одной, Ида Львовна, родившаяся в Харькове, по одним сведениям — в 1883-м, по другим — в 1885 году, в богатой еврейской семье, узнает рано, в детстве потеряв родителей. Заботы о воспитании сироты возьмут на себя ее многочисленные родственники. Ида переедет в Петербург, где получит прекрасное образование. Она в совершенстве овладеет английским, французским, немецким и итальянским языками. А когда девочка заинтересуется историей Греции, ей наймут ученого-эллиниста. Но никто из родственников и в страшном сне не мог представить, какой сюрприз в скором времени преподнесет им Ида. Она объявит, что хочет стать актрисой. Для respectable еврейского клана это — как гром среди ясного неба. Но Иду не волнует реакция родственников, она уверена, что будет актрисой, причем великой трагической актрисой, и поступает на драматические курсы при Малом театре. А поскольку при поступлении учитываются не только способности юных талантов, но и их вероисповедание, Ида принимает православие.

Актриса Малого театра Вера Пашенная в конце жизни напишет, как при поступлении на курсы была ошеломлена обликом "дышащей духами и туманами" Иды. "Меня поразила прическа с пышным напуском на лоб. Онемев, я вдруг подумала про себя, что совершенно неприлично одета и очень нехороша собой".

Трудно сказать, что больше поразило в Иде артиста Малого Александра Ленского — ее способности, внешность или деньги, — но он берет ее в свои ученицы. И в скором времени рассказывает друзьям, что у него появилась новая ученица — будущая Сара Бернар. Обратит внимание на Иду и Станиславский, пригласит ее в свой театр, предлагая серьезно заняться актерским искусством. Но ансамбль, режиссерская диктатура, "полюбите искусство в себе, а не себя в искусстве" — это не для нее.

Танец семи покрывал

Да и репертуар ей необходим другой, который поможет ей состояться как трагической актрисе. Ида дебютирует "Антигоной" под псевдонимом Львовская и терпит провал. Ее игру назовут ученической, отмечая отсутствие драматизма, плохую дикцию, невыразительный резкий голос.

Но это не остановит Иду, мечтающую уже о другой высокой роли — о Саломее в пьесе Оскара Уайльда. Пьесу принимают к постановке в театре Комиссаржевской. Но Ида там ничего не сыграет, зато поразит своим внешним видом. Каждый день она появляется в театре в роскошных одеяниях, с лицом, буквально наштукатуренным, на котором нарисованы, как стрелы, иссиня-черные брови, с наклеенными пышными ресницами и пунцовыми, как коралл, губами. Она молча входит в театр, не здороваясь

даже свою смерть она обставит так же загадочно, как выстраивала жизнь.

В завещании оговорит все, что следует сделать, когда ее не станет: никаких официальных извещений о кончине; время кремации и захоронения должно быть сохранено

и тайне; на постаменте никаких надписей — ни имени, ни дат. Только две буквы — I. R.

Ида Рубинштейн. Кто она? Одним словом

не определишь. Одни считали ее

дилетанткой, добившейся известности

с помощью денег, другие

восхищались экзотической

внешностью, а те, кто видел

Иду в балетах

Фокина

"Клеопатра" и

"Шехеразада",

навсегда сохранили

в памяти ее

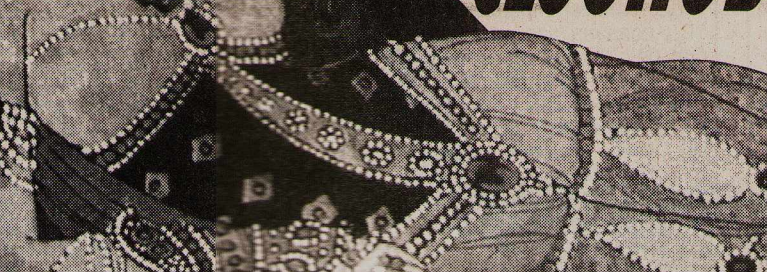
обжигающий

как лед танец-

пантомиму.

ИДЕОПАТРА РУССКИХ СЕЗОНОВ

жесты весьма откровенным. На протяжении номера Рубинштейн сбрасывает с себя одно за другим семь покрывал из парчи, переливающейся серебряными нитями, оставаясь в финале почти обнаженной. Ее тело прикрывают лишь бусы, специально созданные для этого танца. Одних подобная откровенность шокирует: Станиславский скажет об Иде — "бездарно голая", другие придут в восторг. Критик Валериан Светлов напишет: "В ней гибкость змеи, в ее танце сладострастная грация Востока, полная неги и страсти". Что до публики, то по ее просьбе Ида будет бисеровать заключительную часть танца, впервые узнав, что такое гром оваций и восторги зрителей.

Бирюзово-зеленая мумия

Окрыленная удачей, она отправится в Париж, чтобы там показать свой "Танец". Но тут вмешаются возмущенные скандальным поведением Иды родственники. По их просьбе знакомый парижский врач упрячет Иду Львовну в клинику для душевнобольных. Однако Ида сумеет вырваться из плена, а чтобы избавиться от опеки, выйдет замуж за своего кузена Владимира Горовица, но буквально через месяц после свадьбы разведется с ним. И обретет свободу.

Вскоре благодаря Фокину ее пригласит принять участие в первом "Русском сезоне" сам Дягилев. Злые языки утверждают, что за этим приглашением стояло не восхищение талантом Иды, а преклонение перед ее деньгами. Оплачивала она свое пребывание у Дягилева или нет, не самое главное. Важно другое — тот триумф, который обрушится на Иду в Париже. В 1909 году она предстанет Клеопатрой в одноименном балете, а годом позже — Зобейдой в "Шехеразаде", созданных ее учителем танцев Михаилом Фокиным.

Каждый жест, движение, поворот головы, костюмы — все будет продумано до мелочей. И Рубинштейн докажет, "какой большой силы впечатление можно добиться самыми экономными, минимальными средствами". "Сила выражения без всякого движения", — скажет о ней Фокин.

А вот как описывает появление Клеопатры сестра Вацлава Нижинского хореограф Бронислава Нижинская: "Появление Клеопатры в храме было очень эффектно и театрально. Свиту ее возглавлял Верховный жрец. Восемь огромных черных рабов вносили носилки, на которых стояло нечто, напоминающее саркофаг. Занавеси на обеих сторонах саркофага были открыты, и виднелась похожая на мумию фигура Клеопатры — Иды Рубинштейн.

Клеопатру снимали с носилок, и девушки-рабыни, развернув драгоценные покрывала, в которые было завернуто ее тело, расстлали их по сцене. Цвета покрывал гармонировали с цветами декораций. В конце концов среди покрывал появилась высокая полуобнаженная фигура Клеопатры... Тело Рубинштейн, ее лицо и руки покрывал бирюзово-зеленый грим, подчеркивающий декоративность внешности артистки. Вся манера двигаться, все жесты были совершенно оригинальны и соответствовали именно ее фигуре. Можно сказать, что в Клеопатре Ида Рубинштейн создала собственный стиль движения".

Ни микроба банальности

Толь же декоративно и театрально устроит Ида и свою жизнь в Париже, городе, который на долгие годы станет для нее родным. О ее особняке, где Ида будет принимать элиту парижской богемы, начнут слагать легенды. Что здесь реальность, а что вымысел, сегодня сказать трудно.

В ее парке клумбы в особых, придуманных Бакстом, лотках, которые путем перестановки меняют садовый ландшафт каждые несколько недель. А еще есть фонтаны, выложенные мозаикой тропинки и даже маленький зоопарк с обезьянами, павлинами. Иногда к гостям выводят люби-

Портрет Рубинштейн, написанный Львом Бакстом.

Спальню легендарной Иды охраняло пантера

ся длинным шарфом, удлинняя и без того длинные ноги. Ассирийский профиль и маленькая головка в копне густых черных кудрей.

Что до реакции критиков и художников на серовский портрет, то Репин назовет картину "гальванизированным трупом". Суриков — "безобразием". И лишь после смерти Серова отношение к его работе изменится, а в Русский музей, приобретший полотно, будет выстраиваться очередь из желающих увидеть "нездешнюю сомнамбулу" — еще одна характеристика современников Иды Львовны.

Деньги не на ветер

Это в России, куда Ида уже не вернется. А во Франции она продолжает утверждаться как танцовщица и драматическая актриса. Ида Львовна организует свою собственную труппу, заказывает музыку выдающимся композитором XX века. В 1911-м она выступает в мистерии "Мученичество святого Себастьяна", написанной по ее просьбе Дебюсси. Рецензенты отметят, что во время спектакля, который длился пять часов, невозможно было распознать, какого пола госпожа Рубинштейн — то ли юноша, то ли девушка, — а парижский архиепископ возмутится тем, что католического святого играет женщина. В 1912-м Ида предстанет в спектакле по поэме Эмиля Верхарна "Елена Спартанская", через год — в пьесе, написанной Габриеле д'Аннунцио "Пизанелла, или Смерть в цветах", постановку которой осуществит Мейерхольд. Балетные и драматические спектакли следуют один за другим. Ида сыграет Маргариту Готье в "Даме с камелиями", Настасью Филипповну в "Идиоте". Игорь Стравинский напишет по заказу Рубинштейн "Персефону" и "Поцелуй феи". За каждый балет Ида заплатит композитору по 7,5 тысячи долларов — сумма и по нынешним временам внушительная. Равель сочинит для Рубинштейн "Вальс" и "Болеро". Постановку "Болеро" осуществит Бронислава Нижинская. Роль роковой танцовщицы, пляшущей на столе в таверне, станет для Иды наиболее значительной.

Но "Болеро" не сумеет перекрыть тот триумф, который познала Ида в дягилевских сезонах. Все, что пишется, подстраивается под нее, не производит впечатления на парижан. Отклики в прессе, особенно на драматические спектакли, разгромные. Однако она продолжает упиваться своей исключительностью, окруженная толпой поклонников, приживалов и друзей. Среди последних — Андре Жид, Поль Валери, д'Аннунцио, Артур Онеггер, Лев Бакст.

Последний раз Ида Львовна предстанет перед парижанами в 1939 году в оратории Онеггера "Жанна д'Арк на костре". А затем вынуждена будет спешно покинуть Францию, уже оккупированную гитлеровцами. Ее еврейское происхождение не позволит ей остаться в Париже.

Поедемте туда вместе!

Она переедет в Лондон. И начнет новую, другую жизнь. Она никогда не вернется на сценические подмостки. Как будто в ней что-то сломается, уйдут азарт, страсть к приключениям и внешним эффектам. Завершится и бурная жизнь светской львицы.

Как всегда, на собственные деньги она откроет госпиталь и будет в нем работать медсестрой, ухаживая за ранеными французскими и английскими солдатами. Глядя на изображения томной, изысканной, надменной красавицы Иды, в это невозможно поверить. Но и тут она станет исключением из правил. Единственная, неповторимая Ида Рубинштейн.

После Второй мировой войны она вернется во Францию. Примет католичество и проведет последние годы уединенной, затворнической жизни на юге Франции, в Вансе. Забытая и друзьями, и врагами, старая, усталая женщина. Ее парижский особняк сгорит, от него останется один остов.

В 1955 году, когда из гастролей поездки в СССР вернется прославленная французская пианистка Маргерит Лонг, Ида приедет в Париж, чтобы встретиться с ней. "Она хотела узнать о моих впечатлениях и поговорить со мной о своей молодости", — вспоминает Лонг. Слушая ее, Маргерит воскликнет: "Поедемте туда вместе!" И тогда неподвижное лицо гостьи, напоминающее восковую маску, дрогнет, а в глазах на мгновение блеснут слезы.

Вместе. Куда? В прошлое, в пору молодости, надежд, первых успехов? Туда дороги нет. Туда можно вернуться лишь в снах, терзающих страшнее тех пыточных орудий, что некогда украшали гостиницу Иды.

Ида Рубинштейн умрет от сердечного приступа в 1960 году. О ее смерти мир узнает из маленькой заметки в одной из парижских газет.